С. Мельгуновъ.

Свобода вѣры въ Россіи.

Общедоступныя статьи.

С. Мельгуновъ.

Свобода вѣры въ Россіи.

Общедоступныя статьи.

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
1907.

Помѣщенныя въ этой книжкѣ статьи были напечатаны въ газетахъ **Народное Дѣло, Народный Путь** и въ журналѣ **Новое Слово.**

С. Мельгуновъ.

15 октября 1906 г.

I. Церковь и Государство.

Любовь къ врагамъ—это первая основная заповѣдь христіанства. И, конечно, церковь, которая считаетъ себя толковательницей великихъ истинъ Евангелія, которая пытается водворить правду на землѣ, не можетъ дѣйствовать насиліемъ. Вѣра—это дѣло совѣсти каждаго человѣка, это частное дѣло, касающееся лишь самого вѣрующаго. Никакая власть на землѣ не можетъ проникать въ тайники души человѣка и указывать, какъ онъ долженъ вѣрить. Вѣра, лишенная искренности, вѣра по принужденію будетъ однимъ лишь лицемѣріемъ.

И, однако, къ такому именно лицемѣрію долгіе годы наше правительство принуждало русскихъ гражданъ. Православіе было признано господствующей, государственной вѣрой въ Россіи; правительство взяло на себя задачу охранять чистоту и неприкосновенность этой господствующей вѣры и до самаго послѣдняго времени строго слѣдило за тѣмъ, чтобы никто изъ русскихъ гражданъ не смѣлъ отступать отъ православія. Каждый православный, такимъ образомъ, въ дѣлахъ вѣры попадалъ

въ тяжелую кабалу, отъ которой не могъ освободиться; онъ не могъ самъ разрѣшать своихъ сомнѣній, а долженъ былъ вѣрить по указкѣ. И кто по своему внутреннему убѣжденію не согласенъ былъ съ ученіемъ православной церкви, кто въ поискахъ истины и правды уклонялся въ сторону и открыто осмѣливался объ этомъ заявлять, подвергался со стороны властей жестокимъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Такихъ отступниковъ вплоть до нашихъ дней лишали правъ, гноили въ тюрьмахъ, ссылали въ Сибирь и т. д. и т. д. А церковь, которая заявляла себя носительницей вѣчной истины, которая по смыслу христіанскаго ученія могла дѣйствовать только путемъ убѣжденій, проповѣди и словомъ, своимъ молчаніемъ освящала всѣ эти насилія.

И что же? Не церковь у насъ сдѣлалась блюстительницей чистоты и неприкосновенности вѣры, а полиція. Наравнѣ со всѣми русскими гражданами господствующая церковь была подчинена полицейскимъ властямъ. Съ того времени, когда въ духовный регламентъ (законъ) императора Петра Великаго, учреждавшій Правительствующій Синодъ, была внесена статья, повелѣвавшая духовнику доводить до свѣдѣнія властей, если на исповѣди будетъ выяснено что-нибудь противоправительственное,—православное духовенство изъ служителей Христа превратилось въ подневольныхъ чиновниковъ русскаго правительства. Евангеліе, порицавшее несправедливость и насиліе въ жизни, угнетеніе обездоленныхъ и оскорбле-

ніе слабыхъ, учило о равенствѣ богатыхъ и бѣдныхъ, оно проповѣдывало свободу, а, между тѣмъ, церковь, вопреки христіанскому ученію, стала горячей и неуклонной защитницей существующаго порядка,—она оправдывала всѣ происходившія насилія, къ нимъ нерѣдко она сама побуждала. Она стала проповѣдывать приниженность человѣка, подчиненіе своему подневольному положенію, она сдѣлалась главнымъ врагомъ свободы... Церкви не зачѣмъ было заботиться о своемъ преуспѣваніи, не зачѣмъ было разрѣшать сомнѣнія вѣрующихъ,—успѣхъ ея и такъ былъ обезпеченъ.

Объ этомъ заботилось правительство, взявшее церковь подъ свою опеку... На самомъ дѣлѣ эта опека приводила не къ успѣху, а къ гибели. Тамъ, гдѣ нѣтъ свободнаго обмѣна мыслями, свободы слова и сужденій,— нѣтъ жизни. Казенная, обязательная вѣра потеряла силу. Церковь была какъ бы разбита параличомъ, по мѣткому выраженію одного глубоко вѣрующаго человѣка, знаменитаго русскаго писателя Достоевскаго; церковь стала напоминать сухую смоковницу,— какъ выразился другой писатель Мережковскій... И всѣ истинно-вѣрующіе люди уходили отъ нея. Несмотря на всѣ преслѣдованія, несмотря на всѣ старанія правительства число „отщепенцевъ“ господствующей церкви съ каждымъ годомъ возрастало, и люди наиболѣе искренніе открыто порывали съ ней всѣ связи. Трудно судить о томъ, къ чему, въ концѣ-концовъ, должно было это привести.

Но вотъ надъ нашей родиной взошла, наконецъ, давно желанная „заря свободы золотой"... И по всей Россіи раздался громкій, единодушный крикъ—свобода совѣсти. Пусть каждый думаетъ и вѣритъ такъ, какъ ему это повелѣваетъ его личная совѣсть, пусть каждый открыто проповѣдуетъ свое ученіе и выясняетъ, на чьей сторонѣ истина. Все русское общество требовало, чтобы въ дѣлахъ вѣры не примѣнялось насилія, чтобы были уничтожены позорныя монастырскія тюрьмы, чтобы тысячи пострадавшихъ невинно за свои религіозныя убѣжденія получили немедленное прощеніе, чтобы государство не вмѣшивалось въ дѣла вѣры и предоставило каждому по своему усмотрѣнію вѣрить или не вѣрить, по своему желанію присоединяться къ любой религіи.

Манифестомъ 17 апрѣля 1905 года въ Россіи была провозглашена, наконецъ, столь долго ожидаемая вѣротерпимость... Манифестъ предоставилъ свободное исповѣданіе вѣры многомилліонной массѣ старообрядцевъ, которыхъ правительство въ теченіе 250 лѣтъ стѣсняло и преслѣдовало за ихъ несогласіе съ православной церковью, за ихъ нежеланіе подчиниться Правительствующему Синоду — тому учрежденію, которое воплощало собой подчиненіе церкви государству; манифестъ провозгласилъ свободу для сектантовъ, т.-е. для тѣхъ, кто, понимая вѣру духовно, отрицалъ всякую обрядность; манифестъ уничтожилъ прежнюю кабалу для православныхъ и предоставилъ всѣмъ русскимъ гражданамъ право переходить изъ од-

ной христіанской вѣры въ другую. Но свободы совѣсти, полной свободы вѣры все же этотъ манифестъ не далъ.

Главное зло не уничтожено. Государство попрежнему считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла совѣсти гражданъ. Православная церковь попрежнему находится въ полномъ подчиненіи у государства, и правительство все еще считаетъ своимъ долгомъ охранять неприкосновенность господствующей вѣры и тѣмъ самымъ унижаетъ ее: истина не нуждается въ охранѣ полицейскими мѣрами. Одна православная церковь можетъ проповѣдывать открыто свое вѣроученіе, а тамъ, гдѣ нѣтъ свободы ученія, нѣтъ, конечно, и свободы вѣры.

Только тогда, когда церковь сдѣлается совершенно независимой отъ государства, когда правительство перестанетъ опекать совѣсть русскихъ гражданъ, когда признаетъ вѣру дѣломъ внутренняго убѣжденія, только тогда у насъ будетъ провозглашена дѣйствительная свобода совѣсти.

Мы должны добиваться свободной церкви въ свободномъ государствѣ.

II. Новый законъ о вѣротерпимости.

(Законъ 14 марта 1906 г.).

Прошелъ годъ съ изданія Высочайшаго указа, объявившаго всему русскому народу, что въ Россіи уничтожаются гоненія за вѣру, что съ этого дня каждый русскій гражданинъ свободенъ исповѣдывать ту вѣру, которую онъ считаетъ истинной. Правительство заявило, что оно не будетъ преслѣдовать, какъ прежде, штрафами и тюремными заключеніями несогласныхъ съ ученіемъ и правилами господствующей церкви, что оно предоставляетъ каждому вѣрить не за страхъ, а за совѣсть, по собственному разумѣнію. Милліоны гонимыхъ и преслѣдуемыхъ послѣ долгихъ и тяжкихъ испытаній въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ получили по этому указу возможность уже открыто, а не тайно исповѣдывать свое вѣроученіе. Пали желѣзные затворы и раскрылись, наконецъ, тяжелыя двери мрачныхъ монастырскихъ тюремъ, въ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ которыхъ томились десятилѣтіями несчастные узники, пострадавшіе за свои религіозныя убѣжденія!..

Однако для того, чтобы провозглашенная въ Россіи вѣротерпимость не осталась на од-

ной лишь бумагѣ, какъ это много разъ прежде бывало съ различными законами, чтобы объявленной свободой вѣры могли бы по-настоящему воспользоваться русскіе граждане, надо было пересмотрѣть всѣ старые законы и согласовать ихъ съ новымъ указомъ о вѣротерпимости. Надо было исполнить большую работу, потому что всѣ наши прежніе законы шли наперекоръ новому закону. Этимъ пересмотромъ и занялись тѣ самые чиновники, которые прежде установили законы, нарушающіе свободу вѣры.

Могъ ли изъ такой работы чиновниковъ выйти какой-либо прокъ? Конечно, нѣтъ! На это указывали съ самаго начала всѣ тѣ, кто хотѣлъ видѣть въ Россіи свободу совѣсти не на словахъ, а на дѣлѣ. И они оказались правы. Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ превозглашена была у насъ вѣротерпимость; въ теченіе этого года въ Петербургѣ работало нѣсколько комиссій, которыя должны были пересмотрѣть наше законодательство и переработать его заново для „укрѣпленія началъ вѣротерпимости". Чиновники закончили свою годовую работу, и наканунѣ прошедшей Пасхи (14 марта 1906 г.) объявленъ былъ уже новый пересмотрѣнный законъ.

Что же новаго внесъ этотъ законъ въ наши старые законы? Онъ долженъ былъ „укрѣпить начала вѣротерпимости", а вмѣсто этого онъ отнялъ многое изъ того, что было уже обѣщано указомъ 17 апрѣля 1905 года. Въ новомъ законѣ есть, напримѣръ, такая статья: „Виновные въ произнесеніи или чте-

нiи публично проповѣди, рѣчи, или сочиненія, или распространеніи, или публичномъ выставленіи сочиненія, или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе, или ученіе, или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года или арестомъ". Если мы вдумаемся въ эту статью, то увидимъ, что она совершенно уничтожаетъ объявленную правительствомъ вѣротерпимость.

Представимъ себѣ, что на какомъ-нибудь собесѣдованіи, которыя устраиваютъ священники и миссіонеры господствующей православной церкви со старообрядцами и сектантами для выясненія якобы, на чьей сторонѣ истина, противникъ скажетъ такое, что не понравится миссіонеру. И достаточно, миссіонеръ, на основаніи указанной статьи, запрещающей публично произносить проповѣди, направленныя на совращеніе православныхъ, тотчасъ же можетъ обратиться за содѣйствіемъ къ полиціи, и, въ концѣ-концовъ, виновный въ произнесеніи на собесѣдованіи о вѣрѣ такой рѣчи можетъ быть заточенъ въ крѣпость на одинъ годъ. При такихъ условіяхъ вмѣсто свободы вѣры получается нѣчто совсѣмъ несуразное. Вызванный для бесѣды по вопросамъ о вѣрѣ, если вздумаетъ чистосердечно и открыто говорить о томъ, какъ понимаетъ онъ христіанское ученіе, какъ понимаетъ онъ заповѣди Христа и Евангеліе, можетъ подвергнуться за это наказанію! И такому же наказанію бу-

детъ подвергаться и тотъ, который будетъ распространять сочиненіе или даже просто изображеніе, которое можетъ побудить православнаго къ переходу въ иное вѣроученіе. Что же получается? Законъ дозволяетъ переходить изъ одного христіанскаго вѣроученія въ другое, слѣдовательно, православный, признавшій правильнымъ другое ученіе, можетъ сдѣлаться его послѣдователемъ; тотъ же, кто далъ сочиненіе, излагающее ученіе, не согласное съ правилами господствующей церкви, будетъ подвергнутъ за это наказанію.

Въ законѣ получается путаница, благодаря которой передъ нами могутъ воскреснуть прежнія гоненія за вѣру, прежнія тяжелыя времена, когда полиція разгоняла и штрафовала сектантовъ, собравшихся для чтенія и толкованія Евангелія.

Таковъ законъ, придуманный чиновниками для „укрѣпленія началъ вѣротерпимости“ въ Россіи. Онъ не „укрѣпляетъ“, а урѣзываетъ Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 года.

Любопытно, что даже по старымъ законамъ за совращеніе православнаго въ иное вѣроученіе виновный подвергался наказанію только въ томъ случаѣ, если употребилъ для этой цѣли насиліе, подкупъ и т. п. Теперь же такому наказанію подвергается всякій виновный въ совращеніи путемъ слова и убѣжденій. Свободы вѣры въ Россіи нѣтъ!..

Мы попытались разобраться въ одной лишь статьѣ новаго закона, которая особенно наглядно показываетъ всѣ его недостатки;

если бы мы взяли другія статьи закона, то въ каждой изъ нихъ увидали бы одно и то же,—за малѣйшій проступокъ противъ вѣры полагается наказаніе въ видѣ тюрьмы, ссылки, штрафа и т. д. Неприкосновенность господствующей церкви ограждается по-старому полицейскими мѣрами. Въ этой полицейской охранѣ и заключается все зло. Сама православная церковь признала, что это унижаетъ ее. Охранять чистоту православія насиліемъ надъ совѣстью русскихъ гражданъ, это значитъ признать, что безъ полицейской охраны православіе потеряетъ свою силу, что истина не на сторонѣ господствующей церкви. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ должно привести отсутствіе въ жизни свободы вѣры.

Давно слѣдуетъ признать, что правительство не можетъ вмѣшиваться въ дѣла внутренней совѣсти своихъ подданныхъ и указывать имъ, какъ они должны вѣрить. Пусть каждый отыскиваетъ пути въ „Царство Божіе“ по своему разумѣнію; пусть каждый толкуетъ истину такъ, какъ онъ ее понимаетъ. И тогда истина восторжествуетъ.

III. Церковь и смертная казнь.

„Не убій“,—говоритъ Ветхій и Новый завѣтъ. „Не убій“,—говоритъ Евангеліе Христа. И что другое можетъ сказать христіанское ученіе, проповѣдующее примиреніе и любовь къ врагамъ?

Кому, какъ не русскому духовенству, которое называется православнымъ, казалось бы, знать ученіе Христа? Кому, какъ не служителямъ алтаря, знать тѣ евангельскія заповѣди, которыя они берутся разъяснять народу?

Но русское духовенство, вся господствующая церковь забыла Христа; они не хотятъ знать великихъ завѣтовъ евангельскаго ученія; мало того, они его нарочно искажаютъ.

Каждый истинновѣрующій человѣкъ, прочитавшій сообщеніе о рѣчи, которую произнесъ протоіерей Буткевичъ, когда въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался законъ объ отмѣнѣ смертной казни, предложенный Государственной Думой, возмутился до глубины души. Служитель православной церкви доказывалъ, что въ Евангеліи нѣтъ указаній противъ смертной казни; самъ Христосъ, по его словамъ, не высказывался противъ нея. Что можно сказать по этому поводу? Только

одно: протоіерей Буткевичъ не достоинъ носить священнаго сана, званія духовнаго пастыря народа,— онъ не понимаетъ ученія Христа. Но не одинъ протоіерей Буткевичъ такъ далекъ отъ пониманія евангельскихъ заповѣдей. „Краса и гордость русской церкви“, какъ называютъ петербургскаго митрополита, епископа Антонія, духовные журналы, еще такъ недавно, когда посѣщалъ въ тюрьмахъ заключенныхъ, въ оправданіе смертной казни ссылался на Христа. Такая ссылка была поруганіемъ священнаго для христіанина имени Основателя евангельскаго ученія. Но и знаменитый Іоаннъ Кронштадтскій, котораго легковѣрный народъ едва не причислилъ еще въ живыхъ къ лику святыхъ, произноситъ такія же проповѣди съ церковнаго амвона.

Вотъ до чего унизились служители господствующей церкви! Но одинъ изъ нихъ пошелъ еще дальше. Онъ не только исказилъ ученіе Христа, но въ оправданіе смертной казни, можно сказать, подтасовалъ евангельскій текстъ. Вотъ какъ разсуждалъ недавно по поводу смертной казни духовный журналъ, называющійся *„Миссіонерскимъ Обозрѣніемъ“*,—журналъ, гдѣ пишутъ разные синодскіе чиновники да состоящіе на службѣ у правительства православные священники. Для оправданія смертной казни онъ взялъ нагорную проповѣдь, гдѣ Христосъ, какъ передаетъ евангелистъ Матѳей (гл. V, 21), сказалъ слушавшему его народу: „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“. Если Христосъ,

разсуждаетъ сочинитель этой статьи, признаетъ за судами право попрежнему вѣдать дѣла убійцъ, то значитъ Онъ допускалъ возможность смертной казни... Откуда это слѣдуетъ, не пойметъ, конечно, ни одинъ разумный человѣкъ. Быть-можетъ, у православнаго духовенства какое-нибудь особое Евангеліе? Но въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, за стихомъ 21, главы V Евангелія отъ Матѳея, слѣдуютъ такія слова Христа: „А Я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно подлежитъ суду". Неужели Христосъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ запрещаетъ даже гнѣваться на брата, т.-е. своего ближняго, говоритъ ему бранное слово, можетъ оправдывать смертную казнь, т.-е. убійство?

Такія разсужденія показываютъ лишь, какъ нравственно пало наше духовенство; служители алтаря закабалены на службѣ правительству, они не болѣе, какъ правительственные чиновники. Имъ нѣтъ дѣла до религіи, имъ важно только угодить властямъ, которыми они поставлены и которымъ они служатъ.

Такую переписку „Божьяго царства" на государево имя русская церковь признала еще двѣсти лѣтъ назадъ. Когда императоръ Петръ I, рѣшившій казнить за неповиновеніе собственнаго сына своего Алексѣя, обратился за одобреніемъ къ Синоду, послѣдній отвѣтилъ: „Сіе дѣло не нашего суда, ибо кто насъ поставилъ судьями надъ тѣмъ, кто нами обладаетъ... Да сотворитъ Государь, что есть благоугод-

но передъ очами его". Итакъ, само русское духовенство признало, что имъ можно „обладать", какъ вещью; что оно должно творить лишь волю государственной власти. Дальше было некуда итти, и все духовенство сдѣлалось вѣрными слугами, рабами государственной власти.

Двѣсти лѣтъ оно занималось лишь тѣмъ, что одобряло поведеніе правительства. „Первосвятители,—какъ выразился еще сто лѣтъ назадъ первый русскій историкъ Карамзинъ,—стали угодниками царей". „Духовная команда", какъ именовалъ Петръ I служителей алтаря, сдѣлалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Приказано было духовенству доносить губернаторамъ, не говорится ли что-либо противоправительственное на исповѣди, и духовенство исправно выполняло это приказаніе. Послушная „духовная команда", конечно, осуждала всѣ стремленія русскаго народа къ свободѣ, потому что это невыгодно было для правительства или, вѣрнѣе, этого не хотѣло правительство, не понимая своей выгоды, не понимая, что только то правительство сильно, которое опирается на волю народную. А, между тѣмъ, эту свободу проповѣдуетъ то самое Евангеліе, которое должны духовные пастыри разъяснять непонимающему народу. Народъ скорѣе понялъ самъ. Народъ не хотѣлъ терпѣть крѣпостного права, а русское духовенство никогда не возставало противъ него, считая, очевидно, что рабское подчиненіе однихъ людей другимъ соотвѣтствуетъ евангельскому ученію.

Духовенство учило лишь „рабовъ“ терпѣнію. Народъ стремился къ свободѣ, а церковь звала его на старый путь произвола и насилій. Святѣйшій Правительствующій Синодъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, наканунѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ своихъ указахъ запрещалъ духовнымъ пастырямъ говорить съ амвона и даже „частнымъ путемъ“ крестьянину, что „онъ такой же человѣкъ, какъ и помѣщикъ, его братъ во Христѣ, созданный по тому же образу Божію“, запрещалъ пастырямъ заступничество за „мужика“ въ случаѣ даже крайней безчеловѣчности помѣщиковъ...

И такъ церковь поступала всегда. Всѣ ждали, что церковь нынѣ, по крайней мѣрѣ, скажетъ свое слово осужденія творящимся вокругъ преступленіямъ: всѣ ждали, что церковь, сама признавшая свой упадокъ, остановитъ, наконецъ, пролитіе крови, признаетъ своимъ долгомъ объявить во всеуслышаніе, что смертная казнь противна ученію Христа.

Но напрасны были эти ожиданія. Церковь молчала... И когда заговорила, то выступила съ оправданіемъ происходящихъ убійствъ.

Немногіе изъ служителей алтаря осмѣлились возвысить свой голосъ противъ казней, и то ихъ заставили замолчать. Большинство же представителей русскаго православнаго духовенства съ церковныхъ амвоновъ говорило не слова примиренія и братства, а призывало къ избіенію враговъ отечества. А такими въ ихъ глазахъ являлись всѣ тѣ, которые отстаиваютъ дѣйствительныя нужды народа.

IV. Есть ли у насъ свобода вѣры?

Прошло полтора года съ тѣхъ поръ, какъ изданъ былъ законъ 17 апрѣля 1905 года; цѣлью закона было, какъ мы знаемъ, установить въ Россіи свободу вѣры. И что же! Въ самомъ дѣлѣ мы пользовались свободой вѣры?

Тотъ, кому приходилось за это время читать газеты, нерѣдко наталкивался на извѣстія, что мѣстныя власти то тамъ, то здѣсь чинятъ препятствія къ свободному отправленію богослуженія сектантами, т.-е. лицами, отпавшими отъ православія, и старообрядцами. Быть-можетъ, все это были лишь отдѣльные рѣдкіе случаи? Нѣтъ, такое положеніе было повсемѣстно. Само правительство недавно признало, что различныя „недоразумѣнія и затрудненія“ съ мѣстными властями препятствовали сектантамъ и старообрядцамъ воспользоваться вплоть до настоящаго времени новыми правами, которыя были для нихъ установлены Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля и манифестомъ 17 октября 1905 года.

Итакъ, по признанію самого правительства, обѣщанной свободы вѣры до сихъ поръ въ Россіи нѣтъ. Почему же правительственныя обѣщанія не осуществились въ жизни?

Вполнѣ понятно—этому мѣшалъ старый чиновничій строй, и до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ, наша родина никогда не сдѣлается свободной страной.

Что въ дѣйствительности нужно для того, чтобы у насъ установилась, наконецъ, свобода вѣры, какъ говорятъ, — свобода совѣсти?

Вѣра—частное дѣло человѣка. Вѣра—это отношеніе человѣка къ Богу; тотъ человѣкъ истинно вѣрующій, который вѣритъ такъ, какъ повелѣваетъ ему совѣсть; тотъ, который своимъ разумомъ провѣряетъ то, что есть истина, какъ ему говорятъ. Никакая власть на землѣ не можетъ насиліемъ заставить человѣка измѣнить свою вѣру, заставить вѣрить въ то, во что онъ не вѣритъ. Вѣра по принужденію будетъ лишь „обманомъ вѣры", по выраженію великаго русскаго писателя Л. Н. Толстого. Поэтому правители, кто бы они ни были, не могутъ вмѣшиваться въ отношенія гражданъ къ Богу и предписывать, какъ они должны вѣрить. Вѣра господствующая, вѣра, къ которой принадлежитъ большинство населенія страны, не должна пользоваться никакими преимуществами предъ другими религіями; всѣ религіи должны быть равноправными; тотъ, кто числится въ рядахъ послѣдователей господствующей вѣры, за это не долженъ получать отъ государства никакихъ особыхъ льготъ. Лишь объ одномъ должно заботиться государство—оно должно слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не нарушалъ правъ другихъ; оно должно охранять религіозную свободу.

Совсѣмъ не то мы видимъ у насъ въ Россіи даже послѣ провозглашенія свободы совѣсти. Прежде правительство строго слѣдило за тѣмъ, чтобы никто изъ православныхъ не смѣлъ отказаться отъ своей вѣры, т.-е. отъ вѣры, въ которую онъ былъ записанъ отъ рожденія. Принадлежность къ вѣрѣ была все равно что паспортъ. Отступниковъ, которые поступали согласно велѣніямъ своей совѣсти, гнали и преслѣдовали, штрафовали, сажали въ тюрьмы, ссылали въ Сибирь и т. д. Однимъ словомъ, насильно заставляли оставаться въ господствующей вѣрѣ. На дѣлѣ, конечно, такія мѣры приводили лишь къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Число недовольныхъ съ каждымъ годомъ росло; всѣ, въ комъ только крылась живая мысль, не желали подчинить свою совѣсть опекѣ правительства. Провозгласили, наконецъ, въ Россіи свободу совѣсти, но далеко не полную. Мало того, что охрана господствующей вѣры возложена постарому на начальство. Кто захочетъ перемѣнить вѣру, тотъ долженъ предварительно испросить разрѣшеніе губернатора, а губернаторъ, прежде чѣмъ давать разрѣшеніе, долженъ навести точныя справки, почему желающій перемѣнить вѣру православную на другую хочетъ это сдѣлать,— нѣтъ ли здѣсь подговора съ чьей-либо стороны, подкупа или чего-либо другого, добровольно ли онъ оставляетъ православіе и т. д.

Такимъ образомъ свобода совѣсти русскихъ гражданъ, въ концѣ-концовъ, поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія начальствующихъ лицъ, а мы всѣ, русскіе обыва-

тели, слишкомъ хорошо знаемъ изъ жизни, что значитъ это „усмотрѣніе“.

Что захочетъ администрація, то она и дѣлаетъ. Ея произволу нѣтъ границъ. Вотъ почему свобода вѣры въ Россіи и не осуществилась. Какъ говорили мы выше, само правительство это признало. Предполагалось прежде, что первая Государственная Дума въ числѣ другихъ законовъ издастъ и новый законъ о вѣроисповѣданіяхъ. Члены Думы выработали и проектъ этого закона. Но Думѣ не суждено было издать этотъ законъ, не удалось ей даже и обсудить его.

Законъ о вѣроисповѣданіяхъ, не думскій, а другой, сочиненный чиновниками Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, послѣ роспуска Государственной Думы былъ внесенъ для обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ. Правительство задумало издать этотъ законъ, не дожидаясь вновь созыва Государственной Думы.

Почему же понадобилось нарушать основной теперь законъ, гласящій, что ни одинъ законъ въ Россіи не можетъ быть изданъ безъ одобренія народныхъ выборныхъ. Говорятъ, потому, что до созыва Думы еще далеко, а, между тѣмъ, до сихъ поръ еще ни одинъ русскій гражданинъ не могъ воспользоваться свободой вѣры, обѣщанной ему уже болѣе полутора года. Конечно, пора, давно уже пора провести въ жизнь обѣщанное.

Кто будетъ съ этимъ спорить!

Но съ увѣренностью можно сказать, что если новый законъ будетъ изданъ безъ разсмотрѣнія его Государственной Думой, прока изъ него выйдетъ мало.

Прежде всего, кто внимательно посмотритъ на то, что дѣлается теперь вокругъ насъ, кто правдиво оцѣнитъ теперешнее положеніе дѣлъ, тотъ, конечно, скажетъ, что никакіе законы не могутъ устранить существующихъ въ жизни стѣсненій. Пока новые порядки твердо не укрѣпятся въ русской землѣ, всѣ прежнія неурядицы останутся, и всегда будутъ тѣ „затрудненія и недоразумѣнія", которыя до настоящаго времени мѣшали русскимъ гражданамъ воспользоваться провозглашенной свободой совѣсти. А, кромѣ того, съ такой же увѣренностью можно сказать, что новый законъ, выработанный не самимъ народомъ въ лицѣ его выборныхъ, а въ канцеляріи министерства, гдѣ засѣдаютъ одни лишь правительственные чиновники, будетъ плохимъ закономъ. Чтобы доказать это, не надо итти далеко за примѣромъ.

Когда 12 декабря 1904 года правительство еще впервые заговорило о необходимости устранить стѣсненія въ области вѣры и Высочайше повелѣно было Комитету Министровъ выработать соотвѣтствующія для этого мѣры, послѣдній приступилъ къ обсужденію указаннаго вопроса. Много хорошихъ словъ говорилось въ засѣданіяхъ Комитета. Православная церковь,—говорили, между прочимъ, тамъ,— не можетъ желать насильственнаго удержанія въ ней отпадающихъ отъ нея. „Вѣра православная порождается благодатью Господнею, почтеніемъ, кротостью и добрыми примѣрами", „въ области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо", не должно быть

допускаемо „и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи". Сила церкви не въ тѣхъ, „которые, хотя внѣшнимъ образомъ въ ней числятся, но сердцемъ и совѣстью чужды". Говорилось тамъ, наконецъ, о вредѣ, который наноситъ православію вмѣшательство начальствующихъ лицъ въ дѣла религіи. Это лишь унижаетъ и вредитъ церкви. Православіе не должно итти путемъ насилія... Такъ говорили въ Комитетѣ Министровъ.

Когда же предположенія Комитета сдѣлались закономъ и стали проводиться въ жизнь, получилось нѣчто совсѣмъ другое.

Такъ, переходъ изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе поставленъ, какъ мы говорили, всецѣло въ зависимость отъ администраціи. Православіе не нуждается въ охранѣ полицейскими мѣрами, это лишь унижаетъ господствующую церковь,—говорили въ Комитетѣ Министровъ; а между тѣмъ, по новому закону, опубликованному 14 марта 1906 года, всякій, пытающійся совратить кого-либо изъ православія, хотя бы словомъ или убѣжденіемъ, подлежитъ заключенію въ крѣпость и т. д. Однимъ словомъ, въ жизни выходитъ все наперекоръ тому, о чемъ говорилъ Комитетъ Министровъ. Такъ всегда было въ Россіи при старыхъ порядкахъ,—слова всегда расходились съ дѣломъ.

Вотъ почему мы и думаемъ, что новый законъ, который не будетъ подлежать обсужденію самихъ народныхъ представителей, скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу, русскому народу.

V. Какая должна быть церковь въ свободномъ государствѣ.

Мы переживаемъ время, когда всѣ порядки въ Россіи перестраиваются заново. Эти измѣненія должны коснуться и нашей церкви.

Уже много писалось и говорилось о непорядкахъ въ нашей церковной жизни. Упадокъ православной церкви признанъ лучшими нашими духовными пастырями. А произошелъ этотъ упадокъ оттого, что церковь православная какъ бы закабалена на службу у государства; священники господствующей церкви превращены въ обыкновенныхъ чиновниковъ правительства, т.-е. людей, которые безъ разсужденія исполняютъ приказанія своего начальства. И для духовныхъ пастырей господствующей церкви воля начальства сдѣлалась высшимъ закономъ. Въ угоду правителей они готовы пренебречь завѣтами евангельскаго ученія. Потерявъ свою независимость, православная церковь дошла до такого униженія, что ея представители не такъ давно, какъ мы видѣли, открыто выступили съ оправданіемъ смертной казни: эти духовные пастыри брали

на себя смѣлость доказывать, что смертная казнь, т.-е. убійство, не противна ученію Христа.

Тотъ, кто принадлежитъ къ православной церкви, конечно, не можетъ не возмущаться до глубины души такимъ поруганіемъ вѣроученія, которое онъ исповѣдуетъ. Тотъ, кому дороги интересы своей церкви, не можетъ горько не скорбѣть о такомъ глубокомъ ея паденіи. Тотъ, кто не только причисленъ къ послѣдователямъ православной церкви, но искренно вѣруетъ такъ, какъ учитъ эта церковь, долженъ требовать измѣненій, реформы господствующей церкви. Онъ долженъ требовать, чтобы господствующая церковь сдѣлалась независимой отъ государственной власти, чтобы эта церковь была свободной и выборной. Эти измѣненія необходимы, чтобы поднять въ глазахъ вѣрующихъ значеніе православной церкви.

Но нельзя ограничиваться одними только измѣненіями во внутренней жизни господствующей церкви. Еще важнѣе, еще настоятельнѣе требуется измѣнить отношеніе государства къ другимъ, не господствующимъ вѣроисповѣданіямъ.

До самаго послѣдняго времени въ Россіи не было свободы вѣры. Существовалъ такой порядокъ: родившійся въ православной вѣрѣ долженъ былъ на всю жизнь оставаться православнымъ, хотя бы на дѣлѣ онъ призналъ другое вѣроученіе болѣе правильнымъ; власть строго слѣдила за тѣмъ, чтобы не было открытыхъ отступленій отъ господствующей вѣры. Въ глубинѣ души, конечно,

всякій могъ вѣровать по своему желанію—никакая власть на землѣ не могла проникнуть въ тайники человѣческаго сердца; но никто не смѣлъ объ этомъ говорить открыто и хотя бы лицемѣрно долженъ былъ показывать себя вѣрнымъ сыномъ господствующей церкви. Такъ государство пріучало своихъ подданныхъ ко лжи и притворству.

Находились такіе, которые молчали и вѣрили по-своему, но были и другіе, которые считали своимъ долгомъ открыто исповѣдывать свое ученіе и проповѣдывать то, что они считали истиной. Плохо приходилось такимъ.

Конечно, еретиковъ не сожигали на медленномъ огнѣ, какъ въ былые годы, но вплоть до нашихъ дней ихъ нерѣдко заточали въ сырыя и темныя подземелья монастырскихъ тюремъ; въ этихъ мрачныхъ гробницахъ несчастные узники сидѣли десятилѣтіями, иногда они здѣсь проводили всю жизнь и оказывались какъ бы заживо погребенными...

Надъ сектантами—такъ называются у насъ тѣ люди, которые понимаютъ вѣру духовно, отрицаютъ внѣшнюю обрядность въ богослуженіи и пытаются устроить свою жизнь согласно евангельскому ученію—былъ установленъ строгій полицейскій надзоръ. За малѣйшую попытку собраться нѣсколькимъ человѣкамъ для чтенія и толкованія Евангелія—ихъ разгоняли и штрафовали; путемъ такихъ притѣсненій и разоренія хотѣли принудить думать и вѣрить по правительственной указкѣ, а не такъ, какъ повелѣ-

ваютъ разсудокъ и чувство. За излишнее упорство сектантовъ ссылали въ Сибирь на поселеніе и на каторжныя работы. Дѣло дошло до того, что восемь лѣтъ назадъ нѣсколько тысячъ русскихъ сектантовъ-духоборовъ, доведенныхъ до отчаянія притѣсненіями правительства, принуждены были выселиться изъ Россіи: они уѣхали въ Америку, въ Канаду.

Конечно, такое положеніе было невыносимо, тѣмъ болѣе, что только въ одной Россіи существовали еще гоненія за вѣру.

Было время, когда и въ Западной Европѣ подъ ударами палачей-инквизиторовъ*) на плахахъ и висѣлицахъ гибли невинныя жертвы религіозной нетерпимости. Но это было давно.

Религіозныя гоненія никогда не достигали цѣли,—гонимая религія лишь усиливалась. Теперь во всѣхъ культурныхъ, образованныхъ государствахъ признаны за всѣми гражданами свобода вѣры, свобода совѣсти. Во всѣхъ конституціяхъ, во всѣхъ основныхъ законахъ западно-европейскихъ государствъ внесены статьи, которыя обезпечиваютъ гражданамъ неприкосновенность ихъ религіозныхъ убѣжденій. За каждымъ гражданиномъ признано право свободно выбирать ту религію, которую онъ хочетъ; каждый гражданинъ имѣетъ право основывать новую религію и свободно переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое; каждый имѣетъ право публично отправлять богослуженіе и произносить проповѣди согласно ученію той религіи, которую исповѣдуетъ.

*) Духовный судья.

Такъ издавна обезпечивалась свобода совѣсти во всѣхъ культурныхъ государствахъ, за исключеніемъ Россіи. Теперь, наконецъ, и наше отечество должно сдѣлать рѣшительный шагъ къ признанію за гражданами полной религіозной свободы. Манифестомъ 17 апрѣля въ Россіи торжественно была провозглашена вѣротерпимость.

Но свободы совѣсти, полной свободы вѣры, какъ мы говорили, все же этотъ манифестъ еще не далъ русскому народу.

Полная свобода совѣсти будетъ лишь тогда провозглашена, когда государство совершенно перестанетъ вмѣшиваться въ дѣла вѣры и предоставитъ каждому по своему усмотрѣнію вѣрить или не вѣрить, по своему желанію присоединяться къ любой религіи.

Конечно, когда старые порядки замѣнятся новыми, когда прочно у насъ утвердится народное представительство, когда въ русской жизни окончательно будетъ изгнанъ произволъ, и его замѣнитъ строгая законность,—тогда и въ дѣлахъ вѣры не будетъ примѣняться насиліе; государство будетъ слѣдить лишь за тѣмъ, чтобы никто не нарушалъ религіозной свободы, т.-е. будетъ охранять всѣ вѣры равно отъ чьихъ-либо насилій. Къ этой охранѣ и будутъ сводиться заботы государства о духовной жизни гражданъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ какая-нибудь власть рѣшать вопросъ о томъ, какъ кто долженъ вѣрить? Конечно, это частное дѣло человѣка, а поэтому самое лучшее устройство церкви такое, когда государство

совершенно не вмѣшивается въ религіозную жизнь гражданъ. Пусть каждый отыскиваетъ путь въ „Царство Божіе“ такъ, какъ ему это говоритъ его внутренняя совѣсть, пусть каждый толкуетъ истину такъ, какъ онъ ее понимаетъ.

Признаемъ это, и тогда мы должны признать, что никакая вѣра, никакая религія не должна пользоваться никакими преимуществами передъ другой,—всѣ религіи безъ исключенія должны быть признаны равноправными. Каждый гражданинъ можетъ исповѣдывать и проповѣдывать любую религію или оставаться вовсе безъ религіи. Это его дѣло. Правительство не должно поддерживать никакой религіи, и ни одинъ гражданинъ не можетъ быть принуждаемъ платить налоги на содержаніе церквей и священнослужителей. Вѣра есть частное дѣло. Пусть вѣрующіе составляютъ общества и своими средствами отправляютъ богослуженія, заботятся о распространеніи своей вѣры, о ея процвѣтаніи и успѣхѣ. Заботы же государства будутъ заключаться въ охранѣ религіозной свободы русскихъ гражданъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Церковь и государство. 5
II. Новый законъ о вѣротерпимости. 10
III. Церковь и смертная казнь. 15
IV. Есть ли у насъ свобода вѣры? 20
V. Какая должна быть церковь въ свободномъ государствѣ. 26

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИ

Дживелеговъ, А. К. РОСТЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДІ НА ЗАПАДѢ. Ц. 10 к.

Звягинцевъ, Е. А. О ЗЕМСТВѢ И КАКЪ ЕГО НУЖНО УСТРС ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ВСЕГО НАРОДА. Ц. 10 к.

Игнатовъ, И. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ЗАПАДА. пускъ I. 1) Франція. 2) Италія. 72 стр. Ц. 15 к. **Выпуск** Англія и Соединенные Штаты. Ц. 15 к.

Ісщитанне-Санномійя. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЯПОНІИ. П водъ съ англійскаго. А. П. Цвѣтиновичъ. 161 стр. Ц. 40 к.

Ковалевскій, М.. профессоръ. ОТЪ ПРЯМОГО НАРОДОПРАВС КЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМУ и отъ патріархальной мона къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженія исторіи политическихъ ученій. Т. I. 519 стр. Ц. 2 р., Т. II. стр. Ц. 2 р., Т. III. 292 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крюковъ, Н. МЫСЛИ ОБЪ УЧАСТІИ НАРОДА въ государственн домостроительствѣ. 28 стр. Ц. 8 к.

Милль, Д. ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ЖЕНЩИНЪ. 23 стр. Ц. 1

Мировичъ, М. ИЗЪ ИСТОРІИ ЖЕНСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОС 60 страницъ. Ц. 15 к. **КАМИЛЬ ДЕМУЛЕНЪ.** Ц. 15 к. **СЕ ЖЮСТЪ.** Ц. 10 к. **ШАРЛОТА КОРДЭ.** Ц. 10 к. **ЖЕНСКОЕ Д ЖЕНІЕ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.** 48 стр. Ц. 15 к.

Морской, А. ЗУБАТОВЩИНА. Страничка изъ исторіи рабочаго проса въ Россіи. 213 стр. Ц. 75 к.

Новикъ, И. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛІИ. 40 стр. Ц. 1

Рейнснеръ, М. А. ГОСУДАРСТВО. Часть I. Культурно-историче основы. Пособіе къ лекціямъ по общему ученію о госу ствѣ. 221 стр. Ц. 1 р. 50 к. Ч. II. Государство и общес Часть III. Государственныя формы. 290 стр. Ц. 1 р. 60 к.

де-Роберти, Е. В., проф. НОВАЯ ПОСТАНОВКА ОСНОВНЫХЪ ПРОСОВЪ СОЦІОЛОГІИ. Переводъ съ французскаго А. Н. Ч- Съ 2-мя критическими статьями профессоровъ Дегрееф Блонделя. 291 стр. Ц. 1 р.

Рокиньи, Гр. СОЮЗЫ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ. Перев подъ редакц. и съ предисл. В. А. Анзимирова. 244 стр. Цѣна

***** САМОУПРАВЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНСКАГО СЕЛЬСКАГО И ВОЛО НОГО ОБЩЕСТВА.** 143 стр. Ц. 25 к.

Хвостовъ, В. М. ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО. 32 стр. Ц. 8 к.

Чупровъ, А. И. АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНІЮ ВЪ И ЛІИ. Ц. 15 к.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сыт

въ Москвѣ (Маросейка, д. 7), Петроградѣ (Невскій, д. 68), Кіевѣ, С сѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Воронежѣ, Екатеринбургѣ, Ирку Саратовѣ и Самарѣ.